

О ВОЗМОЖНОСТИ И КРИТЕРИЯХ ДОСТИЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Критически анализируются изложенные в уголовно-процессуальной литературе мнения о возможности и критериях достижения объективной истины в уголовном процессе. Автор обосновывает мнение об отсутствии точных критериев достижения объективной истины в знаниях-выводах суда об устанавливаемых по уголовному делу фактах при необходимости достижения судом основанной на внутреннем убеждении достоверности таких знаний-выводов.

Ключевые слова: критерии достижения объективной истины; внутреннее убеждение; достоверность.

Мнение о необходимости достижения в уголовном процессе так называемой объективной истины, т.е. полного и точного соответствия объективной действительности излагаемых в приговоре или ином итоговом решении выводов суда об обстоятельствах (фактах) разрешаемого уголовного дела [1. С. 308, 321], было, по сути, общепризнанным в отечественной процессуальной науке советского периода. В настоящее время, несмотря на отсутствие в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) четко и недвусмысленно закрепленного требования о достижении объективной истины, такого мнения придерживаются по-прежнему многие ученые [2. С. 19–21; 3. С. 24–26; 4. С. 37–38; 5. С. 42–48]. При этом нередко изменения уголовно-процессуального законодательства, исходя из этого мнения, оцениваются с позиции их соответствия или несоответствия цели достижения объективной истины, в частности негативно оцениваются новеллы, закрепляющие состязательность процесса [3. С. 24–30; 4. С. 36–39; 6. С. 69; 7. С. 52; 8. С. 12]. Следует признать, что установление по уголовному делу необходимых для его разрешения фактов в том виде, как они существовали в действительности, представляется весьма важным для решения задач назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Вместе с тем с очевидностью проявляющиеся тенденции практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, особенно в виде значительного количества нераскрытых преступлений и нередких судебных ошибок, вызывают сомнения в возможности безусловного и во всех случаях установления объективной истины в уголовном процессе. Причем подобные сомнения с приведением наглядных примеров из практики высказывались и в литературе советского периода [9. С. 143; 10. С. 84–92], несмотря на общее признание достижения объективной истины в качестве обязательной цели доказывания в науке и законодательстве (во всяком случае, в его понимании) того времени.

Поэтому необходимо обратиться к вопросу о возможности и критериях достижения в уголовном процессе того, что принято называть объективной истиной. Иными словами, поставить вопрос: можно ли считать и, если да, то всегда ли, объективной истиной то, что устанавливает и излагает в своем решении по существу уголовного дела суд в уголовном процессе, пусть даже ставящем целью обязательное установление такой истины (имеется в виду, в первую очередь, розыскной процесс)? С этим вопросом связан другой: из чего, т.е. из каких критериев следует исходить, оценивая полученные судом выводы-знания как объективно истинные? Насколько точны эти критерии?

Прежде всего, кроме отмеченных тенденций практической деятельности, более серьезными препятствиями на пути положительного ответа на вопрос о возможности однозначно и всегда считать объективной истиной то, что устанавливает и излагает в своем решении по существу уголовного дела суд, представляются общие доводы гносеологического характера. Так, достаточно очевидные и обоснованные сомнения в возможности достижения объективной истины в уголовном процессе вызывает опосредованность (реконструируемость по следам) получаемых в нем знаний об устанавливаемых фактах, как известно, всегда являющихся для суда и других субъектов уголовного процесса событиями прошлого (как, например, и события, реконструируемые в исторических знаниях). Для судей, как и для субъектов расследования, прокуроров и иных профессиональных участников уголовного процесса, в силу правил об отводе, недопустимо быть непосредственными наблюдателями (очевидцами) действительного существования устанавливаемых по уголовному делу фактов, т.е. непосредственное наблюдение и восприятие этих фактов в качестве критерия истинности знаний об этих фактах в уголовном процессе рассматриваться не может.

Проявление закономерностей объективной действительности, в том числе определенных событий прошлого, можно наблюдать и в искусственно и досконально воссозданных экспериментальных условиях. Успешность такого рода экспериментов является главным критерием истинности знаний в области математических, естественных и технических наук (где и содержатся образцы подлинно научного знания). В уголовно-процессуальном же познании проведение подобных экспериментов, предполагающих максимально полное управление причинами изучаемого явления и воссоздание условий, на него влияющих, исключено. Преступление, как изучаемое в уголовном процессе явление, имеет общественную природу, и полное искусственное воссоздание причин и условий такого рода явлений в ходе эксперимента невозможно. Кроме того, в отношении преступления такой «эксперимент» в случае его успешности будет повторным совершением этого преступления.

Очевидно, не подходят для уголовного процесса и философские рассуждения о практике как критерии истинности знаний, получаемых судом в уголовном процессе, на что ссылались в свое время ученые советского периода [1. С. 340–342; 11. С. 60–62; 12. С. 91–104]. В современной литературе точно отмечено, что «практика, под которой в марксизме понимается материальная, предметно-чувственная деятельность обще-

ственного человека по преобразованию объектов природы, является критерием не всякого, а только технологического знания» [13. С. 31]. «Это знание, – считает Д.П. Туленков, – интересуется не столько пониманием и истиной, сколько пользой и результатом... В какой-то степени это понятие применимо и к уголовно-процессуальной деятельности, в которой истина также представляет собой, скорее, не результат понимания, а итог правильности процедуры. Но делать отсюда вывод о том, что мы, используя практику как критерий, постигаем истину, было бы неверным» [13. С. 31]. По существу советские процессуалисты проявление практики как критерия истины в уголовном процессе видели в качественной деятельности (всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела и т.п.) следователей, судей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел, но «все это характеризует познавательную деятельность лишь как способ ее осуществления, однако не критерий истинности выводов» [13. С. 31].

Практику в качестве критерия истины, как верно отмечает А.Ф. Лубин, в известной мере можно рассматривать, имея в виду массовидную судебную практику (уголовный процесс вообще, процесс доказывания вообще) [14. С. 30]. «При этом нужно учесть, – пишет он, – что достигается объективная истинность тех уголовно-процессуальных решений, которые были вынесены в прошлом, как тенденция и закономерность» [14. С. 30]. Однако применительно к производству по конкретному уголовному делу считать практику критерием истины неуместно. Вообще же попытка распространить на уголовный процесс по конкретному уголовному делу философское понимание практики как критерия истинности получаемых в нем знаний об устанавливаемых обстоятельствах была явно неудачной и искусственной (видимо, в силу идеологических причин).

В качестве критерия соответствия объективной истине получаемого в уголовном процессе знания рассматривается также внутреннее убеждение суда в действительном существовании установленных и описанных им в решении фактов [13; 15. С. 47; 16. С. 379–380; 17. С. 179–182; 18. С. 180–185].

Действительно, к такому внутреннему убеждению суд должен и в большинстве случаев может прийти при принятии своего решения по делу, однако означает ли его наличие у суда, что его знания-выводы гарантированно полно и точно соответствуют самим исследованным фактам – событиям прошлого?

По классическому для советского периода и, надо признать, актуальному для настоящего времени определению М.С. Строговича, «внутреннее убеждение есть *разумная уверенность* советских судей в правильности их выводов по делу, достигнутая тщательным и всесторонним исследованием обстоятельств дела и вытекающая из твердо установленных и достоверных обстоятельств дела» [1. С. 337]. Уместно также привести его высказывания о том, что «внутреннее убеждение – всегда *субъективно*», оно «есть *субъективное* выражение объективной истины» [1. С. 339].

Думается, сам по себе фактор субъективности внутреннего убеждения, его отнесенности к малоконтролируемым самим субъектом познания явлениям его психической реальности, которые непосредственно не

изучаются извне, а потому представляются лишь умозрительно, свидетельствует об отсутствии гарантий точности этого критерия для определения объективной истинности знаний-выводов суда, да и ставит вопрос о точности прилагательного «объективная» для обозначения истины.

В то же время общепризнано, что суд должен не только прийти к собственному внутреннему убеждению, но и обеспечить удостоверение знаний-выводов об устанавливаемых фактах для общестественности, т.е. для других людей (всех или большинства), с целью создания у них аналогичного внутреннего убеждения. Иными словами, такое внутреннее убеждение суда предполагает, что его выводы о существовании фактов понимаются другими людьми как объективно истинные (вызывая в них аналогичное внутреннее убеждение), а не являются предметом исключительно субъективной уверенности судьи.

Поэтому более точно и адекватно существующему положению вещей утверждать не об «объективной» истинности знаний-выводов о фактах, к которым должен прийти суд, а об их достоверности. Однако термин «достоверность» не следует здесь считать тождественным понятию «объективная истина», что было характерно для работ многих отечественных процессуалистов советских времен [1. С. 326; 19. С. 27; 20. С. 58–59]. Достоверность, по верному мнению Г.М. Резника, характеризует обоснованность знания, его доказанность, а объективная истина может выступать не только в форме доказанного, обоснованного знания, но и в виде гипотезы [10. С. 63]. При этом достоверное знание является знанием не только уже проверенным, но и в любой момент времени «подлежащим проверке» [21. С. 171], т.е. всегда открытым для проверки.

Следует признать фактор субъективности (т.е. зависимости от субъекта познания) достоверного знания. Так, то, в каких случаях выводы суда об устанавливаемых по уголовному делу фактах можно считать достоверными, зависит от характерных для конкретной исторической эпохи познавательных возможностей субъектов уголовно-процессуального доказывания, в том числе от развития языковых средств отражения и передачи сведений о произошедших в прошлом фактах [22. С. 232–274]. Субъекты уголовно-процессуального доказывания, да и общество в целом, к которому обращены их выводы, руководствуются сложившимся пониманием относительно того, какие знания в определенных ситуациях, при определенной доказательственной базе следует считать достоверными и соответственно *признавать* «объективно» истинными. Это понимание складывается в результате научных исследований, развития законодательной и судебной практики, а также влияния иных общественных факторов, например идеологии, политики, творчества (литературы, кинематографа и др.). В результате действия отмеченных факторов оно приобретает характер своеобразно согласованного понимания, т.е. с ним согласны все или большинство людей в определенном обществе и в определенную историческую эпоху. В этом смысле можно условно говорить о конвенциональном характере [22. С. 272–273] истины (т.е. ее обусловленности договоренностью, соглашением людей) во всех случаях ее

установления по уголовному делу, а не только в случаях, когда решение по делу обусловлено прямо предусмотренным законом (например, гл. 40 и 40.1, ст. 25 УПК РФ) соглашением сторон, т.е. основано на так называемой конвенциональной [23. С. 21–22] истине.

Достаточно точно субъективный характер достоверного знания передан в высказываниях Г.М. Резника и В.Ю. Миронова. «Объективная истинность знания, – пишет Г.М. Резник, – не зависит от субъекта с его способностями рассуждения и доказательства; достоверность знания, напротив, целиком определяется уровнем развития средств познания, которыми субъект обладает» [10. С. 64]. В свою очередь, В.Ю. Миронов делает вывод о том, что «достоверность выводов следствия и суда в уголовном процессе России носит субъективную природу, ибо представляет собой несомненность знания, обусловленную доказанностью наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих установлению в порядке расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела» [24. С. 111]. В литературе уместно отмечено, что в этимологической расшифровке слово «достоверность» означает «*достойный веры*» [25. С. 41], чем достаточно точно передается смысл этого понятия. Иными словами, достоверное знание – это знание, придающее познающему субъекту веру в истинность этого знания, *уверенность* в этом, т.е. вызывающее у него не что иное, как внутреннее убеждение.

Учитывая изложенное, внутреннее убеждение судьи более точно рассматривать в качестве критерия достоверности его знаний-выводов об устанавливаемых им по уголовному делу фактах, а не «объективной» истинности этих выводов-знаний. Уместно здесь привести высказывание Л.Е. Владимирова: «Внутреннее убеждение как мерило уголовно-судебной *достоверности* означает, что последняя обыкновенно есть только нравственная очевидность, то есть та высокая степень вероятности, при которой благоразумный человек считает уже возможным действовать в случаях, когда судьба собственных и самых высших его интересов зависит от решения вопроса о достоверности фактов, обуславливающих самый акт решимости» [15. С. 47].

Относительно характера внутреннего убеждения, которого должен достигнуть суд при формулировании своих выводов об устанавливаемых по уголовному делу фактах, адекватным реальности представляется понимание внутреннего убеждения судьи как личной достоверности в немецкой теории уголовного процесса. Так, Б.А. Филимонов, проанализировав соответствующее германское законодательство, пишет: «Судейское убеждение – это основанная на жизненном опыте *достоверность, которой не противоречит разумное сомнение* ... Под достоверностью здесь понимается не математическая, а практическая достоверность, доступная человеческому познанию и которая в силу своей сущности может быть и опровержимой ... Эта личная достоверность необходима, но и достаточна для осуждения подсудимого. Понятие убеждения *не исключает* возможности существования и иных, противоположных, обстоятельств дела. Скорее всего, это относится к природе убеждения, поскольку очень часто остается субъективная возможность сомнения» [26. С. 76].

Действительно, наличие у судьи внутреннего убеждения, дающего ему право на вынесение приговора (особенно обвинительного), предполагает отсутствие у него не абсолютно всяких сомнений, а неустранимых (ч. 3 ст. 14, п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ), точнее неустранимых разумных сомнений [27. С. 639; 28. С. 19], поскольку некоторые сомнения у вменяемого субъекта познания всегда должны оставаться. Для достижения достоверных выводов разумные сомнения должны устраняться в ходе активной мыслительной деятельности субъекта познания, основанной на общепризнанном понимании того, какие выводы-знания при определенной доказательственной базе в определенных ситуациях следует считать достоверными, а какие – невероятными или маловероятными (в уголовном процессе последние выступают в виде проверенных, но отвергнутых версий).

Верно замечено также, что «вывод суда, основанный на исследованных в судебном заседании доказательствах, является достоверным (достойным веры) в том смысле, что в ходе судебного разбирательства не появилось чего-либо, что можно было бы ему противопоставить, что давало бы повод усомниться в этом» [13. С. 32]. Как отмечалось выше, знания-выводы об устанавливаемых по уголовному делу фактах (особенно составляющих главный факт предмета доказывания), всегда относящихся к прошлому времени, являются реконструкцией по отразившим на себе эти факты следам. Вывод о достоверности доказательств – носителей этих следов в каждом случае оценки конкретного доказательства – всегда условен, относителен. Например, применительно к показаниям свидетеля такими условиями признания их достоверными являются: отсутствие выявленной субъектом доказывания заинтересованности свидетеля в исходе дела, отсутствие выявленных данным субъектом субъективных и объективных препятствий для правильного восприятия и запоминания этим свидетелем фактов, о которых он дает показания, а также правильного воспроизведения им сведений об этих фактах. Возможности выявления всех обстоятельств, необходимых для оценки достоверности собранных доказательств, для любого субъекта доказывания всегда ограничены как субъективными, так и объективными условиями процесса познания исследуемых по уголовному делу фактов. Так, многие следы (в широком смысле этого термина) событий прошлого могут являться не только искаженным отражением этих событий, но и просто исчезнуть как в силу объективных природных процессов, так и в результате преднамеренных действий заинтересованных лиц.

Итак, в уголовном процессе судом могут и должны быть в большинстве случаев достигнуты основанные на его внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений) достоверные (достойные веры), предельно обоснованные знания-выводы об устанавливаемых фактах. Использование понятия «объективная истина» для обозначения таких знаний-выводов, ввиду описанных выше особенностей устанавливаемых в уголовном процессе фактов, а также самой деятельности по получению этих знаний-выводов, нельзя признать удачным. Такие знания-выводы признаются общественностью в качестве «объ-

активной» истины по уголовному делу, но это происходит в силу сложившегося в данном обществе в данную историческую эпоху конвенционального понимания того, что в определенных ситуациях считать такой истиной. Эти выводы могут (и, вероятно, будут в большинстве случаев, учитывая современную развитость средств доказывания) соответствовать объективной действительности, но могут и не соответствовать, при этом точного критерия определения такого соответствия, т.е. критерия, позволяющего однозначно свидетельствовать о достижении объективной истины судом

(иным субъектом доказывания) в уголовном процессе, не существует.

Ввиду сказанного следует ставить вопрос не о достижимости судом «объективной» истины (о факте достижения которой однозначно судить невозможно), а о необходимости достижения судом основанных на внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений) достоверных (достойных веры), предельно обоснованных знаний-выводов об устанавливаемых фактах, которые общественность примет как истинные.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 472 с.
2. *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2008. 300 с.
3. *Ищенко Е.П.* Какая истина нужна в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. С. 23–30.
4. *Поляков М.П.* Принцип чистой состязательности как источник проблем судебного следствия // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 36–39.
5. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.
6. *Зажичский В.И.* Истина и средства ее установления в УПК РФ: Теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74.
7. *Орлов Ю.* Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 52–53.
8. *Сауляк О.П.* Дилемма в уголовно-процессуальном законодательстве: состязательность процесса или законность приговора? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 1. С. 11–12.
9. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1951. 511 с.
10. *Резник Г.М.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977. 119 с.
11. *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / Отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 734 с.
12. *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств (Краткий очерк). М.: Госюриздат, 1960. 176 с.
13. *Туленков Д.П.* Внутреннее убеждение как критерий истины в уголовном процессе // Российский судья. 2007. № 2. С. 29–32.
14. *Лубин А.Ф.* О цели доказывания в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 27–32.
15. *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 462 с.
16. *Случевский Вл.* Учебник русского уголовного процесса. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1913. 669 с.
17. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. 328 с.
18. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950. 308 с.
19. *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. 204 с.
20. *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 180 с.
21. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. 3-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1910. Т. 2. 572 с.
22. *Александров А.С.* Язык уголовного судопроизводства: Дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 650 с.
23. *Карякин Е.А.* Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М.: Юрлитинформ, 2009. 296 с.
24. *Миронов В.Ю.* Достоверность выводов следствия и суда: логический аспект // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 106–112.
25. *Рапинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967. 290 с.
26. *Филимонов Б.А.* Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М.: СПАРК, 1994. 157 с.
27. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации* / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 1124 с.
28. *Кухта А.А.* К вопросу о стандарте судебной достоверности в виде «отсутствия разумных сомнений» // Российский судья. 2007. № 4. С. 18–20.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 сентября 2010 г.